

МАРЬЯМАЛИЕВА

НЕ МОЛЧИ

#САМАНЕСПРОВОДИМ

#НЕМОЛЧИ

#СЕКСУАЛЬНОЕНАСИЛИЕ

#ПЕРЕЖИТЬНАСИЛИЕ

#ВИКТИМБЛЕЙМИНГ

#ТЫНЕОДНА

#ВОЧТОТЫБЫЛАОДЕЖДА

#ПОВОДНЕДАЛА

#НАСИЛИЮНЕТ

#ОМАНЕВИНОВАТА

ДНЕВНИКИ ГОРЯНКИ

18+

КЛАДЕЗЬ
ПСИХОЛОГИИ

Марьям Омаровна Алиева
Не молчи. Дневники горянки
Серия «Кладезь психологии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51872487

Не молчи:

ISBN 978-5-17-122421-9

Аннотация

Насилие над женщиной – самое распространённое нарушение прав человека в мире. Сексуальное насилие не обошло стороной ни одну страну, ни одно общество, каким бы продвинутым и глубоко религиозным оно ни было. Разница лишь в том, что где-то жертва насилия может обратиться за помощью к близким, а где-то – нет, ведь ее не только сделают виноватой, но и позор смоют ее же кровью...

Кавказ всегда славился строгими нравами и высокими требованиями к женщинам, за несоответствие которым наказать могли смертью. Именно поэтому у жертв изнасилований на Кавказе, кроме основных (чувство вины, страх перед угрозами насильника, страх перед полицией, обществом, партнёром, уверенность, что преступника не накажут, нежелание вновь погружаться в весь этот кошмар), есть свои причины для молчания – страх перед обвинением от родственников и убийство чести...

«Не молчи» – это боль, страх, отвращение, страдание, безысходность, незащитность, которые испытывает жертва. Это возможность увидеть глазами жертвы весь ужас насилия и понять в полной мере, что жертва не может быть виноватой. Ведь она не решает, быть ей изнасилованной или нет, это решение насильника. Это возможность отказаться от ужасного стереотипа и больше не быть причиной молчания жертв насилия, а равно и причиной свободы насильника.

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Заметки психолога	34
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Марьям Алиева

Не молчи

Изнасилование – одно из самых ужасных преступлений на земле, и оно совершается каждые несколько минут. Проблема людей, которые имеют дело с изнасилованиями, в том, что они учат женщин, как обезопасить себя. Хотя на самом деле нужно учить мужчин не насиловать. Идите к источнику насилия и начинайте с него.

Курт Кобейн

© Алиева М., текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

От автора

Начать книгу, полагаю, будет уместным с пресловутой статистики, чтобы читатель хоть немного понимал масштабы проблемы.

Итак, по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2017 году в России зарегистрировано 3500 преступлений категории «изнасилование и покушение на изнасилование», по неофициальным же данным, изнасилованиям в 2017 году подверглись около 10 тыс. человек.

Почему же такая большая разница в цифрах официальной и неофициальной статистики?

А все дело в том, что за помощью в правоохранительные органы обращаются только 10–12 % жертв изнасилований.

Однако от общей российской статистики сильно отличается статистика регионов Северного Кавказа. Где, ввиду менталитета, об изнасилованиях заявляют максимум 1–2 % жертв, и те остаются с клеймом на всю оставшуюся жизнь.

Проживая в обществе с восточным менталитетом, женщина вообще должна быть готова к тому, что во всех бедах общество будет винить именно ее. Домогается ли ее мужчина, бьет ли, изменяет, насилует ли... объясняться все это будет простым «дала повод».

При этом поводом является сам факт того, что она

женищина.

Но самое отвратительное в этой откровенно наглой подмене ценностей то, что именно женищины первыми забрасывают камнями и клеймят друг друга. Что это? Мизогиния? Или, может, такой способ выстроить «защиту»? Оправдывая насильника поведением или внешним видом жертвы, женищина объясняет его поступок и полагает, что, имея отличную от жертвы модель поведения, она, таким образом, себя обезопасит. Но это далеко не так...

Поднимая в социальных сетях тему изнасилований девушек на Кавказе, я, признаться, не ожидала такого огромного отклика. В течение недели после публикации поста я получила более сотни сообщений от девушек с самых разных уголков Кавказа о том, что их коснулась эта беда. Это были разные истории, но объединял их один ужас, малышки, которых соседские мальчишки, что постарше, заставляли трогать их половые органы, или изнасилования родственниками. Итог у историй также был разным, одни забывали и пытались вести нормальную жизнь, другие же после неудачных попыток суицида не могли прийти в себя.

Истории в книге, абсолютно каждая из них — реальные. Они присланы мне жертвами изнасилований и опубликованы с их согласия. Также важно заметить, что книга не является портретом кавказской личности, не характеризует каждого кавказца, но раскрывает конкретную проблему нашего общества.

Она ни в коем случае не претендует на звание литературного шедевра, написана в самой доступной форме, а главная ее цель – показать ситуацию глазами жертвы. Я бы хотела донести до вас тот страх, ту боль, то отвращение и презрение, тот шок, который испытывает жертва во время изнасилования, донести до всех, что она не виновата, позволив вместе с ней пройти этот ад. Надеюсь на то, что хотя бы так люди поймут, что, обвиняя жертву, они дают молчаливое согласие на подобные преступления.

Об изнасиловании молчат маленькие девочки, взрослые женщины, популярные блогеры, политики, даже мужчины...

Молчат и развязывают руки насильникам, молчат, потому что не хотят приносить себя в жертву обществу, не готовому их принять.

Я призываю не молчать, не бояться сказать, призываю общество к осознанию того, что изнасилование должно быть позором для насильника, но не для жертвы.

Глава 1

Амина

Я жадно глотала ртом воздух, он растекался во мне кипятком и больно обжигал легкие. Каждый мой вдох сопровождался ужасной мукой, но кричать не хватало сил. Из меня лишь изредка вырывался слабый стон.

С трудом подняла голову и огляделась. Он уже ушел. Попыталась встать, но тело отозвалось нестерпимой болью. Решила немного прийти в себя. Я еще не полностью осознала, что произошло. Все это будто не со мной... так не бывает, не должно быть... казалось, болела каждая клеточка моего тела, от ногтей до кончиков волос. Но сильнее всего болела душа. Она медленно и мучительно умирала, причиняя невообразимые страдания.

Вторая попытка встать оказалась более успешной. Хотя и с трудом, мне удалось оторвать свое измученное тело от ледяной поверхности. Я смотрела на свои разбитые колени и ненавидела их. Если бы не они, возможно, всего этого не случилось бы. А впрочем, это совершенная глупость. Это наверняка случилось бы и при другом стечении обстоятельств.

К моему удивлению, больше ни синяков, ни ссадин не было, хотя, по ощущениям, меня разрезали на мелкие кусочки. О том, что произошло, говорила только алая кровь на внут-

ренной стороне бедра.

Размышления прервал звук шагов. Я медленно легла на пол и закрыла глаза, старалась дышать как можно тише и реже, надеялась, он решит, что я умерла, и больше не тронет. Надежды оказались тщетными. Уже в следующее мгновение я почувствовала его дыхание у своей шеи. Сердце бешено колотилось. Едва он коснулся меня, как тело охватила судорожная дрожь, я хотела закричать, но меня словно парализовало от ужаса. Он взял меня на руки, я крепко зажмурила глаза, приготовившись к новой порции адских мук. Но ничего не произошло, и в следующую минуту я уже сидела в ванной. «Что он задумал, что опять будет делать?» – эти мысли терзали мне разум.

Он молча стянул с меня майку и бросил на пол. Тут меня прорвало, было ощущение, будто у меня только что отняли самое важное, что не осталось в жизни больше ничего. Эта майка была последним, что прикрывало мой стыд, последней тростинкой, за которую я цеплялась, а он отнял ее, отнял и бросил на пол. Я стала кричать, вырываться, мне было все равно, страха больше не осталось, точнее, не осталось сил на страх. Это был не мой крик. Он не мог принадлежать девочке, не мог принадлежать человеку. Это не я, это не со мной...

Это не я... к жизни меня вернула ледяная вода, хлынувшая на меня из душа. Ее потоки обрушились на мою голову, холодом своим смывая с меня последние остатки детства. Я замолчала. Все закончилось, моя душа, издав истошный

крик, умерла. Больше не осталось меня, не осталось ничего.

Он искупал меня, смыл кровь. О том, что я еще жива, напоминали лишь пощипывающие от воды коленки.

Вот я, словно в кокон, завернутая в большое полотенце, вновь у него на руках, он несет меня в спальню, укладывает в кровать и заботливо укрывает одеялом. Его губы слегка касаются моего лба, и я остаюсь одна. Какая громкая, кричащая тишина, как тесно в этих стенах. Стены... они все видели, они все знают. Я постепенно погружаюсь на самое темное дно своего сознания и проваливаюсь в сон.

Не знаю, сколько я проспала, но, когда он прервал мой сон, за окном была уже глубокая ночь. Я почувствовала его теплую руку на лбу. Открыв глаза, я не сразу вспомнила, что произошло. Однако память вернулась, едва он коснулся меня взглядом.

– Проснулась? Хочешь чаю?

Его голос был наполнен покоем. Говорил он так, словно ничего не произошло, словно это не он несколькими часами ранее вынул из меня душу.

Я отрицательно помотала головой и натянула одеяло повыше, закрыв часть лица. Хотелось залезть поглубже в кровать, спрятаться от него, чтобы больше никогда не видеть, никогда не слышать и никогда, ни за что не касаться его.

Поверх одеяла он приложил руку к животу и с ноткой заботы в голосе спросил:

– Тебе все еще больно?

Вопрос был будто с издевкой. Можно подумать, его действительно волнует, больно ли мне. Ведь не волновало, когда он... А что он делал? Я даже не знала, как это назвать. Я осознавала, что это что-то очень плохое, грязное, то, что нельзя делать. Но никак не могла придумать этому название.

Я отвела глаза и еще больше закуталась в одеяло. Он попытался дотронуться до меня, но я резко отпрянула назад. Он тяжело вздохнул:

– Ты что-нибудь хочешь?

Конечно, я хочу... хочу, чтобы ты исчез, чтобы я исчезла, чтобы исчезло все это, чтобы всего этого не было.

Но я снова молча помотала головой. Все внутри меня кричало, мои мысли рвались наружу, а я слова не могла выговорить.

Он приобнял меня, и я замерла, дыхание стало тяжёлым, во рту пересохло, меня охватил ужас. Неужели опять... я боялась пошевелиться. Он поцеловал меня в макушку и вышел. Как мучительно долго тянулись эти секунды, отдалявшие его шаги от меня.

Как страшно оставаться наедине со своими мыслями. Что же пошло не так? Что привело к тому, в каком положении я сейчас нахожусь? Что я делала не так? Разве я не слушалась маму? Разве огорчала ее? Мама... почему ты не оказалась рядом? Почему не спасла меня? Чем я заслужила все это? За что мне причинили такую боль, за что растоптали, уничтожили меня? Разве такими должны быть мысли девятилетней

девочки, разве они должны лишать сна ребенка?

Я помню каждую секунду того дня в мельчайших подробностях.

Помню нежно-голубое небо, знаете, такое, которого непременно хочется коснуться, попробовать на вкус, кажется, оно напоминает зефир. Такое небо никогда не предвещает беды. Помню палящее солнце, зной которого разливался по земле, проникая в самые узкие улочки, не щадя никого.

Я всегда любила лето, как, наверно, все дети, ведь это пора бесконечно веселых приключений и забав. Мое задорное настроение не омрачал даже отъезд мамы в командировку. Во-первых, это было всего на неделю, во-вторых, я оставалась с дедушкой, а уж с ним мы найдем способ весело скоротать деньки.

Мама уже стояла у порога, когда я вышла.

– Аминка, ты хотя бы проводи меня, а то, смотрю, ты мое отсутствие и не заметишь.

– Мамочка, ты же сама сказала, что это ненадолго.

– Конечно, ненадолго, но я все равно буду скучать. А ты разве нет?

– Но, мамочка, со мной же останется дедуля. Думаешь, у меня будет время скучать?

Мама рассмеялась, крепко меня обняла, поцеловала и вышла. Во дворе ее уже ждал дедушка. Я закрыла дверь и вдруг неожиданно для себя поняла, что проведу без мамы целую вечность. Мне ужасно захотелось ее обнять. Я так испуга-

лась, что она уже уехала, так и не обнявшись со мной. Выскочив за дверь и слетая вниз по ступенькам, легко преодолевая пролеты один за другим, я выбежала из подъезда и буквально бросилась в объятия мамы. Она пошатнулась, то ли от неожиданности, то ли от силы, с которой я накинулась на нее. Слезы блеснули на ее глазах.

– Я скоро вернусь, милая, обещаю, еще кучу подарков привезу.

Она вновь крепко обняла меня. Нас прервал дедушка:

– Амишка, ты что, хочешь, чтобы мама опоздала и никуда не уехала? А как же тогда наши шалости? – с нескрываемой хитростью сказал дедушка и, подхватив меня, поднял на руки. Конечно, мне нравилась такая забота, но ведь могли увидеть ребята со двора, уж тогда без дразнилок не обойдется, поэтому я запротестовала:

– Пусти, деда! Я же не маленькая, чтобы ты меня на руках носил.

– Конечно, не маленькая. Ты принцесса. А принцесса или на руках, или в карете, кареты у меня нет.

Мама наблюдала и умилялась. Пришло время уезжать. Она вновь заключила нас в объятия, нежно поцеловала и села в такси. Мотор машины негромко зарычал, будто прощаясь, и такси унеслось прочь.

Дедушка сумел развеять печаль от отъезда мамы, я была в предвкушении самой веселой недели в жизни. Дедушка меня очень любил и старался часто баловать.

После смерти отца мама с головой ушла в работу, а дедушка делал все, чтобы я этого не замечала. И у него это неплохо получалось. Я никогда ни в чем не знала отказа от него.

День выдался особенно жарким, но мне, как и другим детям, это было только в радость. Мы с ребятами веселились, заливая двор звонким смехом. И вот, переиграв во все известные нам игры, мы с ребятами устроились на лужайке, недалеко от дома. Над нами проплывали облака самой причудливой формы, а солнце нежно ласкало своими лучами наши лица. Казалось, вот оно, то беззаботное время, которое еще долго будет длиться, но... не для меня.

Мои размышления нахально прервал голос Адама, мальчишки-соседа, что часто играл с нами:

– Амишка, а ты видела, какие яблоки растут в огороде дяди Коли?

– Видела, но я туда не полезу.

Дядя Коля, наш сосед, русский дедушка, ужасно вредный, как мне тогда казалось. Его никто не любил, даже соседи не здоровались и старались держаться подальше от него. Дети его жутко боялись, подпитывали этот страх страшилки, в которых он якобы убивал детей и закапывал в своем огороде, от чего он всегда был невероятно богат урожаем. Конечно, это была лишь выдумка, но выглядел дядя Коля так, что проверить это никто не решался. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

– Не знал, что ты такая трусишка, – с издевкой произнес

Адам.

– Я не трусишка. А воровать – плохо.

– Так он и сам их не ест. Они просто падают и гниют. Они ему вообще не нужны. А раз не нужны, выходит, это и не кража вовсе.

Я не была уверена в правильности таких выводов, но отрицать их логичность не могла. Дядя Коля действительно никогда даже не собирал яблоки с огорода. Но мне нужно было найти причину, чтобы выйти из ситуации. И Адам это понимал, но ему нужно было меня высмеять.

– Все равно, это ведь чужое.

Я сказала это так неуверенно, что казалось, сама не уверена, Впрочем, так оно и было.

– Признай, ты просто боишься.

Конечно, я боялась, но признаться этому задире Адаму, еще и в присутствии других ребят, я просто не могла.

– Ладно, пошли, но красть я ничего не буду. Я перелезу через забор, дойду до дерева и вернусь. Я покажу тебе, что никакая я не трусиха.

Адам рассмеялся. Он не верил, что я это сделаю, признаться, я и сама не верила.

– Да, ты и близко не подойдешь. Ты же девчонка, и этим все сказано.

Слова Адама заставили меня незамедлительно направиться в сторону дома дяди Коли, ребята рванули за мной.

Мы стояли у огорода – я, охваченная чувством страха, и

толпа ребят, жаждущих зрелища. Поддразнивания Адама заставили меня взять себя в руки. В конце концов, подумала я, будь все это правдой, дядя Коля давно сидел бы в тюрьме. С этими мыслями я полезла на забор, самоуверенная улыбка этого наглого мальчишки таяла на глазах. Прыжок, и я внутри.

Ребята восторженно вскрикнули. Я была бесконечно горда собой, теперь меня уж точно никто не назовет трусишкой. Я дотронулась до дерева и было собралась выбираться из огорода, как меня посетила мысль, что было бы несправедливо не наградить себя спелыми яблоками, солнечные лучи так красиво играли на них, заставляя краски переливаться, что удержаться было невозможно. К тому же я их вполне заслужила. Я вернулась к дереву, ребята замерли, Адам был в ужасе, нет, он не боялся за меня, он боялся за себя, ведь то, что я делала, превращало его самоуверенность в пыль.

– Скорее, глупая, он же сейчас придет, – не сдержался Адам.

– Ну и что? Я же сказала, что не боюсь его.

Конечно, я лукавила, мое сердце билось так быстро, что едва не выпрыгивало из груди. Но пути назад уже не было. Дрожащими руками я ухватилась за ветку и полезла на дерево. Чем выше я забиралась, тем дальше отступал страх. Вот я уже уверенно сидела на верхушке и грызла яблоки.

– Принеси и нам, Амишка, – крикнул Адам, ребята зашикали, ведь его могли услышать. Уверена, он нарочно так

громко кричал.

– Вот еще! Лезь сюда и бери сам.

Пришла моя очередь дразнить его. Я была уверена, ни у кого из ребят никогда не хватит смелости сделать это.

Вдруг послышался шум, и все ребята бросились врассыпную.

Он идет... именно в этот момент я поняла значение выражения «сердце ушло в пятки», голова загудела, сердце застучало в бешеном ритме, внутри все пульсировало. Я второпях стала спускаться с дерева, ветки больно царапали руки, но страх быть пойманной был гораздо сильнее боли. До земли оставалось немного, и я уже была готова прыгать, как ветка подо мной хрустнула, и я упала на землю. Было нестерпимо больно, я разбила колени и сильно ударилась животом о твердую землю, все тело ныло. Но и это было не самое страшное. Весь ужас был в том, что ко мне быстрыми шагами приближался дядя Коля.

Дядя Коля медленно перевернул меня на спину. Ужас не покидал меня, сковав сознание. Казалось, язык во рту распух, и я не могла сказать и слова.

– Ты же могла убиться!

Я впервые слышала, как он говорит, впервые видела его так близко. Его мягкий голос вмиг стер всю картину его грозного вида.

– Встать можешь? Голова не болит? Не тошнит?

Вопросы сыпались один за другим, но я все еще не могла

говорить и просто отрицательно мотала головой.

Он поднял меня на руки и занес в дом, положив меня на мягкий диван, он тяжело вздохнул.

– Эх, старость не в радость, такую тростинку пять метров пронес и выдохся. А было время, как богатырь был, хоть сказки обо мне слагай.

Он так искренне улыбался, а мои глаза предательски выдавали страх. Дядя Коля это понял и спешно покинул комнату. Вернулся с полотенцем и бинтом в руках. Он аккуратно протер мои раны влажным теплым полотенцем и заботливо замотал их бинтами.

– Ну что, полегчало?

Он сказал это так виновато, словно это из-за него я упала.

– В доме ни йода, ни зеленки нет, бинт, и тот каким-то чудом нашелся. Давай-ка я отведу тебя домой, а мама уже сделает как надо.

Я молчала. Страх отступил, но я была шокирована поведением дяди Коли. Человек, которого боялись не только дети, но и взрослые, о котором сочиняли страшилки, на деле оказался самым обычным, весьма добродушным стариком. Казалось, таким его знаю только я.

– Идти-то можешь?

– Кажется, да.

– Ну, так давай руку, пойдем домой.

Он улыбнулся и протянул потемневшую, изрезанную морщинами руку. Я машинально подалась назад.

– Ты чего это, боишься меня?

– Да, то есть нет, то есть... о вас говорят...

Какая же я идиотка! Меня охватил стыд. Я стыдилась того, что так себя повела, стыдилась своих мыслей. Он ведь был так добр ко мне, а я обидела его своим страхом.

– Да, у нас любят посудачить. Но больно ты худая, не буду я тебя есть, можешь меня не бояться. Он посмотрел на меня, и я увидела, что глаза его, синие, чистые, как вечернее летнее небо, наполнены теплом. От его враждебности, которую, как оказалось, мы придумали сами, не осталось и следа. Я не могла поверить, что мы придумали все это только потому, что он был не таким, как все.

Я улыбнулась и, наконец, протянула ему свою руку. Он помог мне встать, заботливо приобнял и повел к дверям. Я шла в предвкушении того, какотреагируют ребята. Больше всего мне хотелось похвастаться своим новым другом перед задирой Адамом. Уж теперь, думала я, он точно не посмеет меня обидеть. Но мой план с треском провалился, как только мы вышли за дверь. У порога стоял дедушка. Он был в ярости. Я еще никогда не видела его таким.

– Ты в порядке? Он тебе ничего не сделал?

Дедушка схватил меня за руку и резко притянул к себе. Я едва не упала.

– Деда, ты чего? Дядя Коля...

Я была ошарашена.

– Ты что, старый, совсем из ума выжил? Ты кто такой,

чтобы вообще ее трогать и тем более тащить в свою конуру?

Лицо дяди Коли покрылось мраком, казалось, я видела, как сверкает молния в его синих глазах. Он, не сказав ни слова, просто хлопнул перед нами дверьми.

Я была ужасно зла на дедушку, он только что обидел моего друга, обидел абсолютно незаслуженно.

– Он тебя не обидел?

– Нет! Это ты обидел его, – недовольно ответила я.

– Какого лешего, спрашивается, ты вообще туда полезла?

– За яблоками.

Сказав это, я ощутила чувство вины. Как я могла так плохо поступить с дядей Колей?

– С каких пор ты стала красть?

– Я не крала. Когда берешь то, что никому не нужно, это не кража.

Я говорила словами Адама и, хотя я прекрасно осознавала, какая это несусветная чушь, мне нужно было себя хоть как-то оправдать.

Дедушка удивленно взглянул на меня, я была все еще зла на него. Чего он вообще так взъелся на дядю Колю?

– Глянь, как колени разодрала. Не болят?

– Нет, мне дядя Коля помог.

– Значит, так, чтобы и близко к нему не подходила. Поняла?

Что он такое говорит? Я тут в голове слова перебираю, для извинений перед дядей Колей, а он... ну, конечно, де-

душка ведь не знает, какой он на самом деле. Я предприняла попытку объяснить:

– Деда, он ведь совсем не такой, как о нем говорят. Он добрый.

Похоже, эти слова пробудили в дедушке еще больший гнев.

– Ты что, не слышала, что я тебе сказал? Чтобы НИКОГДА! Поняла?

Похоже, это было бесполезно, дедушка был непреклонен.

– Как ты вообще меня нашел?

– Как, как? Твоя ребятня на весь двор визжала, что тебя дядя Коля утащил домой и вот-вот убьет.

Дедушка повеселел, а мне после его слов стало только хуже, мне так захотелось рассказать всем, что дядя Коля вовсе не злодей, что он очень добрый, у него теплые руки и глаза цвета неба. Я плелась за дедушкой и раздумывала о том, почему же с дядей Колей никто не хочет дружить. Это открытие мне еще предстоит сделать, оно станет из числа тех, что изменят мое мировоззрение навсегда.

Дойдя до дома, я обнаружила, что рана стала кровоточить, алая дорожка вырисовывалась от колена к щиколотке.

Дедушка тоже заметил.

– Ай-яй-яй, больно, наверно? Ну-ка, мой раненый солдатик, идем, поглядим, что у тебя там.

Он снял бинты и отложил их в сторону.

– Так, ну это нужно хорошенько промыть. Там все в песке.

Я послушно отправилась в ванную и обнаружила, что вся моя одежда совершенно грязная. Раздевшись до трусов, я залезла в ванну, усевшись на краю, стала омывать ранки. Они неприятно пощипывали. Но я справилась, еще и без слез. С чувством исполненного долга я завернулась в полотенце и пошла в свою комнату. Я натягивала майку, когда вошел дедушка.

– Деда, подожди, я еще не одета.

– Давай раны обработаем, перевяжем, а потом оденешься.

– Нет! Ты чего?

Я была в растерянности. С 6 лет я даже маму в ванну не выпускала, потому что считала себя уже взрослой.

– Так, Амишка, ну-ка, быстро ложись.

– Но я ведь уже взрослая, это некрасиво.

– Амишка!

Голос дедушки обрел оттенок ярости, и я поплелась к кровати.

– Ложись! – приказал дедушка.

Я послушалась. Легла и натянула на себя покрывало, что застилало кровать. Дедушка зачем-то лег рядом.

– Значит, взрослая говоришь?

Его голос звучал как-то странно, в нем появились какие-то темные нотки. Он коснулся рукой моей шеи.

– Деда, ты чего?

– Давай поиграем в игру? Во взрослую игру. А поскольку ты больше не маленькая, можешь называть меня Руслан, а

не деда.

– Но деда...

Он приложил палец к моим губам.

– Не деда. Руслан.

– Да, д... Руслан.

– Вот так. Хорошая девочка. А теперь поиграем. Только это будет наш с тобой секрет. Никому о нем не рассказывай.

Почему-то мне было страшно от всего происходящего. Мое сердце так и норовило выпрыгнуть из груди.

– Ты поняла? НИ-КО-МУ.

Я кивнула.

– Вот и хорошо.

Он тяжело дышал, острый запах табака вызывал тошноту. Прикосновения обретали странный, не знакомый мне характер. Он ласкал меня, но не так, как раньше, он блуждал по моему телу.

Его ледяные руки скользнули от живота к трусикам, он аккуратно приподнял их и стал меня трогать. Я замерла. Меня охватил стыд и страх. Я не понимала, зачем он это делает, но знала, что это очень плохо.

– Не надо.

Это все, что я могла сказать. Хотелось кричать, звать на помощь, но я впала в ступор, ком в горле почти лишил возможности дышать. Он закрыл мне рот рукой и стал жадно целовать, его щетина больно царапала мое детское тельце, но ему было все равно, его не интересовала моя боль, он превра-

тился в голодное животное. С остервенением разорвав последнее, что прикрывало мою наготу, он сел сверху, больно сдавив мне ноги. Я зажмурилась, то ли от страха, то ли от стыда перед его обнаженным телом.

Слезы градом катились по щекам, но его это не останавливало. Впервые в жизни он был равнодушен к моим слезам.

– Не бойся, девочка моя, я не сделаю ничего дурного. Тебе понравится.

Учащённое дыхание придавало его шёпоту зловещий оттенок, вселяя в меня ужас перед предстоящим.

– Моя девочка, моя принцесса.

Я так привыкла слышать эти слова от него, но в этот раз они звучали по-другому и значили совершенно другое...

– Мне больно.

Казалось, я сказала это так тихо, отрывисто, что сама не услышала. Но он услышал. Услышал и моментально среагировал. Он встал, я с облегчением вздохнула. «Он понял, что мне не нравится, и решил не делать этого», но как же я ошибалась. Он подошёл ближе, протянул руки и поднял меня.

– Вставай на колени.

Я недоумевала. Что происходит, что он от меня хочет?

– Вставай, я сказал!

На этот раз он схватил меня за локоть и притянул к себе. Я послушно встала на колени. Он встал напротив меня, обвел рукой линии моего лица и схватил меня за волосы. Стало больно, я зажмурилась.

– Открой рот.

– Что?

– Открой рот, я сказал.

Я вновь послушалась, и это стало ещё одним согласием, которое мучило меня всю жизнь, которое отягощало мое чувство вины.

Вдруг я почувствовала что-то во рту, дышать становилось все тяжелее, рвотные позывы усиливались, края рта болели, я боялась открыть глаза, боялась увидеть то, что он делает. Он держал меня за волосы, то притягивая к себе, то отталкивая назад. Не хотела смотреть.

Сейчас мне кажется, я понимала, что он творил, но не верила, не хотела убеждаться в этом. Вдруг мне стало нестерпимо больно, и я открыла глаза... с ужасом поняв, что он все это время мне запихивал в рот, я не смогла сдержаться, меня стошнило прямо на него. Разъярённый, он отшвырнул меня в сторону, больно ударившись головой о стену, я отключилась. Никогда ранее я не знала мужской ярости, не ощущала на себе мужского гнева.

Когда пришла в себя, он уже сидел рядом. Мы встретились глазами. Я вдруг осознала, это уже был не мой любимый дедушка, не мой ангел-хранитель, это был чужой мужчина, грязный, похотливый, подлый, это было воплощение зла.

Я залилась слезами. Страх, обида, боль, ненависть. Во мне смешались все эти чувства, они переполняли меня, рвались наружу, и я отпускала их слезами. Он лёг рядом, вновь за-

крыл мне рот рукой и навалился на меня всем своим телом. Я попыталась вырваться, но под его весом ничего не могла сделать. Сил сопротивляться больше не было. Я закрыла глаза, перенеслась куда-то очень далеко, мне хотелось почувствовать себя в безопасности, хотя бы в мыслях. Вдруг меня пронзила страшная боль, словно тысячи острых лезвий оказались в моем теле. Я взвыла. Он сдавил мне шею рукой и продолжил. От боли я потеряла связь с реальностью. Казалось, я то теряла сознание, то вновь приходила в себя. Стоны... я слышала только его стоны, отдаленно... совсем близко... громкость росла по мере того, как я приходила в себя. Толчки прекратились, вспотевшее тело наконец слезло с меня. Сознание уносило куда-то вдаль. Я безмолвно лежала на холодной поверхности. Сил не хватало даже на то, чтобы дышать. Казалось, я умерла, надеялась, что умерла...

Конечно, вспоминая все это сейчас, я думаю, почему же я не открыла окно, не позвала на помощь, почему не убежала, почему не кричала так громко, чтобы меня услышали соседи, почему, почему, почему???

Я сама виновата, виновата в том, что была напуганным ребёнком, не сумевшим себя защитить...

Дни после тянулись нестерпимо долго, я не выходила из комнаты, боясь снова встретиться со своим ужасом. Он больше меня не трогал. Заходил лишь занести еду, которой я даже не касалась. Я старалась не трогать ничего, к чему он прикасался. Если нужно было в туалет или одолевал голод, я вы-

лавливала момент, когда он покидал дом, прошмыгивала в кухню, брала фрукты или йогурты, быстро съедала и бежала обратно. В таких условиях я жила пять дней. Все время лежала в постели, едва услышав шаги, я тут же закрывала глаза и притворялась спящей. Я слышала, как он говорил ребятам со двора, что пришли навестить меня после происшествия с дядей Колей (я и забыла совсем про него), что я болею и ко мне нельзя. Он не говорил со мной. Только за день до приезда мамы. Как четко помню я его слова, я тысячи раз перематывала их в своей голове, не понимая, чем же они напугали меня и вселили такое тяжелое чувство вины. Я помню, как уверенно звучал его голос, как расплывалось в улыбке его морщинистое лицо, помню блеск его глаз. Он вел себя так спокойно, что казалось, ничего страшного он не делал, напротив, это я повела себя неправильно, и теперь по милости своей он скроет это от мамы.

– Маленькая моя, я тебя люблю, даже несмотря на то, что произошло. Ты взрослая девочка и должна уметь хранить секреты. Это наш с тобой секрет, и никому не нужно об этом говорить. Ты ведь не хочешь, чтобы все знали, какая ты глупышка, чтобы все знали, что ты больна, а ведь ты больна, иначе тебя бы не стошнило, у тебя бы не пошла кровь.

– Но ведь нужно сказать маме, – взмолилась я. Хотя, конечно, я понимала, что маме нельзя говорить в первую очередь.

– Нет, малышка, маму ты только огорчишь. Ты ведь этого

не хочешь? К тому же мама может не только наказать тебя за все это, но и уложить в больницу, и ты больше не сможешь играть со своими друзьями, ходить в школу.

Слезы затуманили мне глаза, я так надеялась, что расскажу все маме, и она меня защитит, спрячет, сделает хоть что-нибудь. Я так хотела выплакать эту боль, мама ведь всегда могла помочь, она была способна залечить все раны. Тогда ему удалось внушить мне чувство вины. Оно душило меня, я вспоминала, ведь я сама соглашалась на все это. Нет. Я не смогу сказать маме.

Он понял это. Его маленькие черные глазки заблестели, он расплылся в улыбке и поцеловал меня в лоб.

– Хорошая девочка.

По приезду мама, конечно, заметила изменения в моем поведении, но, поговорив со мной, решила, что все из-за ее отъезда, я и не отрицала. Дедушку я избегала, он объяснил это тем, что стал строже ко мне, поскольку я уже взрослая и это просто мой бунт. А затем следовал переходный возраст, на который успешно списывались все беды. Мама работала с утра до позднего вечера, часто оставалась на дежурства, так что она многого просто не могла заметить. Из жизнерадостной девочки, чей смех заливал весь дом, я превратилась в замкнутую серую мышку. Я стала бояться всех взрослых, особенно мужчин, старалась вообще как можно дальше держаться от людей. Шли годы, страх перед словами дедушки сменил страх причинить боль маме. Когда мне исполнилось

14, я стала многое вспоминать и понимать. Все это ведь началось задолго до тех событий. Я вспоминала, как он меня трогал, как прижимался ко мне, пока я спала. И это обрело совершенно иной, грязный, омерзительный смысл.

Спустя 2 года случилось непредвиденное. Оказалось, я не единственная жертва его похоти. Сначала не побоялась рассказать одна девочка, а затем заговорили и все остальные. Подумать только... сколько жизней он сломал, сколько жизней сломала я своим молчанием.

Это было холодное осеннее утро, небо затянули серые тучи. Краски вокруг совсем померкли, и уныние проникало в каждый уголок квартиры. Раздался громкий стук в дверь, стоящий по ту сторону буквально выламывал ее. Мама встала из-за стола и спешно двинулась к дверям. Едва она успела открыть дверь, как некто ударом в грудь сбил ее с ног. Я вскочила и подбежала к ней. На пороге стоял дядя Зураб, наш сосед, отец девочки, с которой я дружила. Мы были в недоумении, он кричал, спрашивал, где дедушка. Но из-за шока мы не могли разобрать смысл его слов. А затем... там, за дверью, я увидела зареванную Камиллу, и меня осенило... Я встала и подошла к ней. Мне хотелось обнять ее, обнять и выплакать всю эту боль, разделить ее, сказать, что я знаю, каково ей, что я тоже это пережила. Я так хотела взять ее за руку, чтобы не дать утонуть в этой горечи, в которой тонула я. Но в ее красных от слез глазах читалась ненависть ко мне, ведь я была частью семьи этого подонка. Меня оглуша-

ло собственное молчание, оглушали ее глаза, полные боли и ненависти. Я не слышала и не понимала происходящего вокруг, крики, брань, все это было фоном. В реальность меня вернула пощечина. Я подняла глаза и увидела, что последовала она от дяди Зураба.

– Маленькая дрянь! Ты знала все! Таскала ее к себе домой специально для этого извращения. Я уничтожу всю вашу семейку!

Он был похож на разъярённого зверя, но меня это не пугало. Мое сердце разрывалось совершенно от другого чувства – от боли. Я вновь переживала тот кошмар. Внутри все сгорало, моя душа кричала: «Я не виновата! Я не виновата! Я тоже перенесла это... я не виновата». Но мое существо не могло ничего выдать, кроме горьких слез. Сил стоять больше не было, я упала на колени.

Я не помню, что произошло дальше. Помню лишь то, что, когда пришла в себя, в доме стоял ужасный шум. Я увидела дедушку, рука его нелепо свисала, а застывшее бездвижное тело расплывалось по дивану. Врачи «Скорой» констатировали смерть. Он умер... я не могла поверить. Вот так взял и умер. И ничего ему теперь за это не будет. Мы остались здесь страдать, переживать эту боль изо дня в день, а он просто ушел, и все... я бросилась к нему, мой крик в мгновение заставил всех замолчать.

– Вставай! Вставай! Ты не можешь умереть! Вставай!

Рыдая, я впивалась ногтями в его плечи и пыталась под-

нять, я трясла его со всей силой, будто пытаюсь разбудить, но его отяжелевшее, холодное тело никак не поддавалось. Он не должен умереть, не сейчас...

Я вспомнила все, вспомнила свою беспомощность, свою безнадежность, и вся эта горечь выливалась в истошные крики. Как он может умереть, не ответив за все злодеяния, умереть вот так просто?!

Следующим же днем его похоронили. Какая ирония... помочь в этом деле отозвался только ненавистный дедушке дядя Коля. Он ни разу ни о чем не спросил, не сказал ни слова. Но его небесно-голубые глаза были красноречивее любых фраз. Они были полны сожаления, нет, не к дедушке, а ко мне с мамой. Он понимал, что теперь нам не будет жизни в этом городе и придется бросить все и уехать. Уехать далеко, сбежать от себя.

Мама никогда не затрагивала эту тему, то ли от стыда, то ли от страха перед правдой. После переезда она еще больше ушла в работу, а я, исполненная ненавистью к себе, за свое молчание, влачила жалкое существование на этой земле. Я не понимала, кого я ненавижу больше – дедушку, который оказался настолько нравственно прогнившим, или себя, за свое молчание, по причине которого было сломано столько жизней.

Я всю жизнь пыталась выстроить стену между тем днём и будущим, но каждая попытка разбивалась о жестокую реальность. Я не могла ничего поделать с тем, что во мне, еще 9-

летнем ребёнке, навсегда изменилось представление о природе человеческой натуры.

Заметки психолога

Комментирует Наталья Хидирова,
практикующий психолог:

– Считается, что педофилия – это не синоним сексуального насилия над детьми. Не всякий педофил способен на насилие, и не всякий насильник является, в конечном счете, педофилом.

Исследования показали: активность в левой задней части поясной извилины и левой верхней части лобной извилины у педофилов оказалась выше, чем у насильников. Эти области мозга связаны с самоконтролем. Именно этот механизм не дает педофилам стать преступниками почти в 50 % случаев.

Данные исследований нейробиологов 2015 года, опубликованные в Американской национальной библиотеке медицины, показывают, что только 50 % людей, совершающих насилие над детьми, являются педофилами. Остальные же 50 % являются насильниками, которые, испытывая проблемы в социальной и сексуальной жизни, выбирают ребенка, как легкую «добычу». Также они могут использовать насилие над детьми как акт самоутверждения, доказательства своего превосходства и власти.

Приведу пример. В очень бедных странах родители про-

дают своих детей в возрасте 7–9 лет замуж. Где муж по факту совершает насилие над своей малолетней женой. И в данном случае этот мужчина со стороны психиатрии не является педофилом, так как данного человека (жену) он не считает ребёнком, даже человеком считает с большой натяжкой. С момента покупки он считает жену своей личной собственностью. Низкое интеллектуальное развитие здесь также играет очень важную роль.

Или насильник – социопат, чаще всего человек маргинальных кругов, имеющий алкогольную или наркотическую зависимость. Такой человек, выбирая себе жертву, может одинаково смотреть как на пожилую соседку, так и на молодую женщину или девочку-подростка с соседнего двора. Если в момент психического нарушения рядом окажется девочка 13 лет, насильник совершит своё преступление в отношении её, но педофилом являться не будет, так как отсутствует тяга к детскому незрелому телу.

Что же объединяет эти два понятия? Их объединяет сам факт насилия или насильственных действий против половой неприкосновенности жертвы. Жертвы у этих двух групп могут как отличаться, так и пересекаться. Объединяет их всех только слабость, которую бессознательно считывает насильник.

Педофил – инфантильный, скрытный, чаще начитанный, грамотный, но слабохарактерный и неуверенный в себе. Обычно тянется к работе с детьми, выбирая такие про-

фессии, как воспитатель, няня, учитель, преподаватель, тренер, помощник, меценат. Либо такую работу, которой в любой момент сможет прикрыть себя, пользуясь авторитетом и властью, – адвокат, судья, директор, служители различных религиозных конфессий. Имеет непреодолимую тягу к детскому телу. Данная группа чаще не насилует детей, применяя агрессию, а именно склоняет их к соитию.

Как бы страшно это ни звучало, но педофил очень заботлив, внимателен, ласков и добр к детям. Налаживает контакт с ребенком очень быстро и легко завоёвывает его доверие. Педофил чаще всего, примерно в 80 % случаев, в детстве сам подвергался насилию со стороны взрослых. В его восприятии он остался ребёнком, слабым и беззащитным. Из его уст можно часто услышать: «Я сам как ребёнок», «Мне намного проще работать с детьми», «Детей я понимаю лучше, они мне ближе», «Посиди у меня на коленках», «Давай мы с тобой сейчас поиграем, у нас будет свой секрет».

У педофилов, в отличие от насильников, в 50 % случаев до преступных насильственных действий не доходит. Они довольствуются переписками в социальных сетях, просматривают фото и видео с закрытых ресурсов, фантазируют с участием детей, которые находятся в их поле зрения. Иногда это проявляется только в скрытых поглаживаниях или прикосновениях к детям.

Педофилы очень трусливы, не уверены в себе и очень ча-

сто имеют слабую потенцию. Испытывают страх перед женщинами, считая себя слабыми и недостойными. Иногда они живут обычной жизнью, имеют жену и детей, но являются оборотнями, имеющими теневую сторону – тягу к детскому телу, они всячески пытаются её скрывать и контролировать. В силу своей слабости, даже перед собственной женой, педофил постоянно чувствует себя неудовлетворенным. И влечение к детскому телу в какой-то момент становится непреодолимым. Многие педофилы, в силу своих отклонений, уверены, что дети сами этого хотят и сами их провоцируют. Насильники не различают или не обладают способностью осознать и понять, что ребенок – это незрелый организм.

Глава 2

Радмила

Мне было 15, и все, о чем я сейчас мечтала, – смерть. Быстрая, безболезненная смерть. Столько боли я пережила, разве я не заслужила избавления?

Я сидела на полу, крепко обхватив руками колени, поджав их к подбородку. Хотелось спрятаться внутри себя, спрятаться, чтобы защитить себя от них. Ведь все, что у меня теперь осталось, – это я сама. Капельки крови из носа падали одна за другой, разбиваясь о холодную поверхность. Я разглядывала копны волос, разбросанных недалеко от меня. Еще недавно они украшали мою голову, спадая черным, как ночь, водопадом по моей спине, теперь они были на корню срезаны дядей, в знак презрения. Меня больше не душил страх, но осознание несправедливости происходящего колом сдавливало горло. Хотелось кричать, разрывая в клочья эту мучительную тишину. Но разве я могла? Меня давно лишили голоса, лишили души, меня давно лишили жизни. В голову вдруг пришли слова песни, что мама пела в детстве, когда мне становилось страшно. «Не бойся, я с тобой, от всех укрою бед», – нарушил тишину мой напев. Роняя слезы на пол, дрожащим голосом я повторяла, словно молитву, эти слова, в надежде на покой, который они приносили мне в

детстве. Где же ты сейчас, мамочка... знаешь ли, видишь ли, что творится с твоей девочкой? Забери меня к себе, я так устала, мне так больно, мамочка...

Мама не слышала, их с отцом не стало, когда я была еще ребенком. Воспоминания уносили меня в детство, отвлекая от физической боли, но еще больше калеча душу.

В тот день я впервые познакомилась со смертью и, как ни странно, мы подружились. Частенько она навещала меня. Она вошла в дом с завернутым в белоснежный саван отцом. Я ощутила ее присутствие, холод, которым веяло от нее. Тогда я еще не понимала сути происходящего. Не понимала, почему люди вокруг кричат и плачут, почему отец лежит на полу. Мне не было страшно, потому что я видела, что мама абсолютно спокойна. Она, как и обычно это бывало, сидела рядом с папой, а голова ее покоилась на его груди.

– Мама, папочка заболел? Почему его так укрыли?

Как хорошо я помню ее глаза в этот момент. Какая невообразимая боль читалась в них, такая тяжелая, такая видимая, что даже я почувствовала ее. Тетя взяла меня за руку и вывела из комнаты. Я не понимала, почему они не дают мне поиграть с папой и что заставило маму так страдать, не понимала, что такое происходит. Мои раздумья прервал истошный крик. Это была мама. Я выскользнула из рук тети и побежала к ней. Она сидела на коленях и... это даже плачем нельзя было назвать, рыдание ее было отчаянным, наполненным такой великой безнадежностью, что теряло чело-

веческий характер. Она цеплялась за отца, как за единственный шанс спастись, но его неумолимо отнимали у нее, отнимали навсегда.

Я не знала, куда мне бросаться: к маме, чтобы попытаться хоть как-то облегчить ее боль, или к отцу, чтобы не дать забрать его. В этот момент кто-то подхватил меня на руки и спешно унес в другую комнату. Я вырывалась, кричала, плакала, но меня все не отпускали. Долго потом меня преследовало это чувство вины, за то, что я ничего не сделала, не помогла маме, не спасла папу.

Самый страшный момент наступает, когда дом пустеет, все родственники и друзья уходят и ты остаешься наедине со своими мыслями, с всепоглощающей болью, с осознанием неизбежности произошедшего.

За все три дня, что прошли после того, как забрали отца, я так ни разу и не услышала голос мамы. Она больше не кричала, но ресницы ее оставались мокрыми, а слезы омывали лицо. Горе ее было тихим, почти беззвучным. Удивительно, как мы можем забыть, что делали еще несколько дней назад, но уловить и запомнить на всю жизнь ритм дыхания, глубину взгляда, тиканье часов в определенный момент, как может врезаться в память запах боли, витавший в воздухе.

– Мама, тебе больно?

Она подняла глаза, но взор ее был устремлен глубже, будто сквозь меня.

Я отчаялась, из глаз хлынули слезы

– Мамочка, не плачь, прошу тебя! Скажи мне, скажи, куда они забрали папу, я пойду и приведу его, скажу, что тебе без него плохо, что мы хотим к нему.

Она вздрогнула. Казалось, слова словно электрическим разрядом прошли по ее телу. В следующую секунду я оказалась в крепких объятиях.

– Девочка моя, ты тоже скучаешь по нему? Ты тоже хочешь к нему?

Голос был отравлен виной, дрожал, она будто захлебывалась словами.

– Прости мне мою боль, любимая. Прости мое горе.

Мама крепче прижала меня к себе. Время застыло. Мы стояли посреди комнаты, наполненной горьким ароматом душевных мук, и словно прятались в объятиях друг друга. Поцелуями она собирала слезы с моих щек.

– Ну, все, пойдем, приведем себя в порядок, милая.

Ее мягкие руки заботливо омывали мое лицо теплой водой. Каждое ее касание приносило в душу покой. Мне казалось, этому горю пришел конец и теперь жизнь пойдет обычным чередом. Однако отсутствие папы меня еще беспокоило, а спросить маму о нем я так и не решилась. Впервые за несколько дней лицо ее освещала улыбка, лишь иногда в глазах проскальзывала тоска.

В этот день мне позволялось абсолютно все. Казалось, мама хочет загладить свою вину. Мы до отвала наелись мороженым и конфетами, пересмотрели уйму мультиков, даже

попрыгали на недоступной ранее огромной мягкой кровати в родительской спальне. К концу дня я нежилась в теплой ванне, до краев наполненной пеной. Мама сидела рядом и рассказывала сказку, как вдруг ее взгляд застыл. Она вновь смотрела сквозь меня. Тревога охватила мою детскую душу. Мама нагнулась ко мне и прошептала:

– Маленькая, ты ведь скучаешь по папочке? Ведь хочешь к нему?

Я утвердительно кивнула.

– Тогда будь хорошей девочкой и немного потерпи.

Она поцеловала меня в макушку, я было хотела поцеловать в ответ, но ее руки крепко сжали мои худенькие плечи, так, что я не могла встать. Мама еще раз взглянула на меня, в этот раз взгляд ее горел отчаянием, решительно вдохнув, она с силой надавила на меня, погрузив в воду. Как развивались события дальше, я помню очень скудно. Помню, вода заполняла меня, попадая в рот, нос и уши. Попытки вырваться и кричать. Помню ее ледяной, спокойный взгляд и тьму... я в нее провалилась, стало вдруг так тихо, казалось, я заснула. Проснувшись от холода воды, она совсем остыла, мамы рядом не было. Я не знала, что произошло, было ли это наказание или какая-то игра. Стараясь не наделать шума, я встала и вылезла из ванны. Кружилась голова и ужасно тошнило. С трудом достав большое махровое полотенце, я закуталась в него и отправилась на поиски мамы. Тьма, поглотившая дом, и глухая тишина пугали меня, я слышала бешеный стук сво-

его сердца. Где же мама?

Она лежала на полу, среди разбросанных семейных фото и обнимала рубашку папы. Она спала. Я так думала... Стянув одеяло с кровати, я укрыла ее, устроилась рядом и мгновенно заснула. Меня разбудила барабанная дробь в дверь. Я с трудом разомкнула глаза, было уже светло. Солнечные лучи пробирались в комнату, наполняя ее мягким светом. Я поморщилась, привыкая к нему. Мне совсем не хотелось вставать, я залезла глубже под одеяло, накрылась с головой и стала ожидать продолжения сна. Но раздался щелчок от поворота ключей в замке, и кто-то вошел в дом. Это был дядя Ахмед – брат моего отца.

– Лайла! Лайла! Вы дома?

Я уже собиралась ответить, когда почувствовала, как он тяжело приземлился рядом со мной и скинул одеяло.

– Милочка, ты в порядке?

Я кивнула.

Он перевел взгляд на маму, мягко коснулся ее руки и попытался разбудить.

– Лайла, вставай.

Но мама была неподвижна.

– Лайла... слышишь?

Она не слышала. Старания дяди, а затем докторов «Скорой» были тщетными... она уже давно ничего не слышала. Решив, что благополучно послала меня к отцу, она в компании нескольких упаковок таблеток отправилась вслед за на-

ми... Только вот меня она довела лишь до половины пути... а затем бросила... они с отцом бросили меня и ушли... я оказалась не нужна.

Далее последовала череда переездов от одних родственников к другим. Все лица, голоса, дома перемешались в моей голове, превратившись в большую серую массу. Я не запоминала имен, даже того, как они выглядят, не могла отличить одних от других. Везде я искала маму с папой. С каждым новым домом я надеялась, что в это раз мы приехали к ним, что они ждут меня. Несмотря на большое количество людей, так внезапно появившихся в моей жизни, никто из них не мог толком ответить мне, где же мои родители и почему они не приходят за мной. Одни отводили глаза, говоря, что мама с папой уехали по работе, другие переводили тему, а третьи просто уходили, ничего не отвечая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.